

ЮЛИЯ
ДРУНИНА

ЭТО
ИМЯ...

ЮЛИЯ
ДРУНИНА

ЭТО
ИМЯ...

СТИХОТВОРЕНИЯ

«СОВРЕМЕННОК»
МОСКВА
1984

Р2
Д76

Друнина Ю. В.

Д76 **Это имя... Стихотворения. — М.: Современник, 1984. — 110 с.**

В пер.: 40 коп.

Новую книгу лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького Ю Друниной составили стихотворения, написанные в 1983 году и стихотворения 1942—1982 годов, отражающие весь ее творческий путь

Размышляя о судьбах своего поколения, поэтесса обращается к сегодняшним дням, пишет о немеркнущей памяти, о верности и чести

Д 4702010200 — 272 157—84
М(106)03—84

**ББК84Р7
Р2**

СКОЛКО
СТОИТ
СТРАДАЊЕ?

1983

Играет весенний гром,
А в памяти вновь встает
Горящий аэродром,
Израненный самолет.

Не веря глазам, глядит
Пехота —
Взмывает ввысь
На смерть,
 на таран,
 в зенит
Малыш «И-15 БИС».

Как мог он взлететь,
Как мог он взлететь,
Как мог
Ввязаться в безумный бой?..
Пылающий «ястребок»
Вновь вижу я
Над собой.

Когда все черно кругом
(Душевная круговерть), —
Земля моя —
 «аэродром»,
Дай силу душе
 взлететь!

Я опять возвращаюсь,
На круги своя —
Тянет к школьным,
Казалось, забытым друзьям.
А на сердце бои,
И чужие края,
И житейские бури
Оставили шрам.

К тем вернулась,
Кто помнит
Ребенком меня —
Тонконового резвого стригунка.
Я пришла из войны,
Я пришла из огня,
Возвратилась я к вам
Через будней века.

Мне не важно,
Кем каждый,
Ей-богу же, стал —
Разговоры об этом
Еще впереди.
Лишь хочу,
Чтобы школьного братства
Кристалл
Никогда не растаял бы
В нашей груди...

«Я — ТАНЯ...»

В октябре 1983 года Герою Советского Союза Зое Космодемьянской, легендарной «Тане», исполнилось бы шестьдесят лет

Нежный рот
И упрямые брови —
Восемнадцать
Девчоночьих лет...
В партизанских лесах
Подмосковья
Никогда не сотрется
Твой след.

Олененок с большими глазами,
Смуглых щек
Полудетский овал...
Посылал командир
На задание —
Оказалось,
В бессмертье послал.

Ты попалась
Гестаповцам в лапы —
Тяжелей не придумать беды.
И палач
Раскаленную лапу
Подносил тебе
Вместо воды.

Сапогами девчушку топтали:
— Где другие бандиты,
Ответь!

Как зовут?
Ты откуда?
— Я — Таня...
— Где другие?
— Готовят вам смерть...

И по снегу
Ногами босыми,
Крепко сжав
Окровавленный рот,
Как на трон,
Партизанка России
На высокий
Взошла эшафот.

Огляделась:
— Что плачете, люди?
Наши близко!
Они отомстят...—
Ветер осени
Слезы мне студит —
Неужели тебе
Шестьдесят?..

Нет, осталась ты юною —
Слышишь?
Над тобою
Не властны года.
В небе Вечности
Всходишь все выше —
Комсомольская наша звезда!

ИЗ СТАРОЙ КИНОХРОНИКИ

Испания!
Уходят за кордоны
Последние бойцы интербригад.
На мостовых
Притихшей Барселоны
Их башмаки усталые стучат...

Испания!
Вот-вот за поворотом
Они простятся
Навсегда с тобой...
Идут антифашисты,
Донкихоты...
Проигран бой? —
Нет, не проигран бой,
Пока кусочек
Киноленты старой
Так больно душу
Обжигает мне...

Мы отомстили
За Гвадалахару,
Мадрид, Уэску
На Большой войне.
Швыряли мы
Фашистские знамена,
Когда Победа
Вышла на парад —
На них смотрели
Взглядом воспаленным
Последние бойцы интербригад...

I

Горят дворцы
И хижины Бейрута.
Опять бомбежка,
Снова артналет.
Как в черный саван,
В черный дым закутан,
Несчастный город
Спать мне не дает.

Там смотрят люди
С ненавистью лютой
В небесную
Густую синеву —
Не та ли смерть
Кружится над Бейрутом,
Что сбрасывала бомбы
На Москву?..

Пусть не в нацистской форме —
Форме новой
Она с детьми воюет,
Словно встарь.
«Фашизм» — опять воскресло
Это слово,
В руках убитой девочки —
Букварь...

Ливан, Ливан!
По улицам старинным
Грузовики зеленые ползут.
С последними бойцами
Палестины
Прощается
Дымящийся Бейрут.

И женщины
Платками машут,
Плача.
Как мне понятна
Их святая боль!
Так что ж — фашисты
Победили, значит?
Проигран бой? —
Нет,
Не проигран бой!

Уходят палестинцы
За границу,
Чтоб был Бейрут
Израженный спасен.
Но не погасли
Молодые лица,
Никто не сломлен
И не покорен.

В руках — оружие,
А в стволах — патроны.

Жить без отчизны?
Лучше пасть в бою.
Уходят палестинцы
За кордоны,
Чтоб воевать
За родину свою!

Довелось же
Такому случиться
В этот тихий
Полуночный час:
Прилетела железная птица,
Долбанула меня
Между глаз.

Все...
Кричу я
Почти что без звука —
Только сдавленный,
Сдавленный стон.
И какая мне
Выпала мука!..
И как счастлива я:
Это — сон.

Никакой нет
Чудовищной птицы.
Я очнулась, привстала —
Живу!..
Но Бейруту
Такое не снится —
«Птицы» мучат людей
Наяву...

СКОЛЬКО СТОИТ СТРАДАНИЕ?

Дикий Запад.
Мустанги.
Лихие ковбои.
На потертых тыхасах
Из кожи заплаты.
Я, Америка,
В детстве
«Болела» тобою —
Романтичные
Соединенные Штаты.

Дикий Запад!
Смотрела я
Вестерны с дрожью,
Зачитала до дыр
Все творенья Майн-Рида.
Не забыла,
Что парни Америки тоже
С нами в интербригадах
Дрались у Мадрида.

Только вы позабыли
На Эльбе свиданье,
Поцелуи и слезы,
Ладонь на ладони.
Слышишь, Джонни,
Бейрутских детишек
Рыданье? —
Это жгут их
Твои прихлебатели,
Джонни.

Не случилось такого
Еще на планете,
После этого как
Вы смеетесь, поете?—
Плачут мертвые дети,
Никарагуа дети,
Что летели на сбитом
Тобой вертолете,

Да, тобою, тобой!
Отпираться не нужно:
Хоть стоишь в стороне —
От убитых не скрыться...
Это ты, улыбаясь,
Вручаешь оружие
Всем, кто может и хочет
Работать убийцей.
И повсюду, повсюду,
Где горы и доли
Просыпаются в фосфорном
Жутком сиянье,
Нагло звякает доллар,
Кровью пахнувший доллар —
Сколько стоит страданье,
Сколько стоит страданье?

Я про любовь
Сложить не в силах стих.
При взгляде
На воркующих влюбленных
Мне видится —
Нацелены на них
Акулы морды —
Морды бомб нейтронных...

Могу ли
Материнство воспевать,
Когда тревога
Мне сжимает сердце
При взгляде
На сияющую мать,
При мысли
О беспомощном младенце?..

Грусть осени,
Сияние весны —
Как я могу
Сейчас писать про это,
Когда мне снятся
Атомные сны
И ставшая сплошным костром
Планета?..

Любая тема
Кажется мелка,

Как лоно
Пересохшего колодца...
Так стань моим оружием,
Строка, —
Стихами тоже
Мужество куется!

Я люблю, Земля,
Твой каждый атом,
Я — эпохи ядерной дитя.
Только, видно,
Комплекс Герострата
Мучает кого-то не шутя.

И уже из попоранной Европы,
Разуму и чести вопреки,
Вашингтонские питекантропы
Ядерные кажут кулаки.

А сама Америка, пожалуй,
До конца не чувствует вину —
Ни одна ведь бомба не упала
На заокеанскую страну!

Но отныне
Счастье иллюзорно:
Могут
(Океану не спасти!)
Рейгановской ненависти зерна
Страшными грибами прорасти...

Лишь одно
Непонятно мне,
Удивляет одно,
Не скрою:
Почему и своей стране
В Белом доме
Могилу роют?..

Пусть не жалко
Чужих детей:
Президент не скрывает это.
Но своих? —
Никого теперь
Не сумеет
Укрыть планета...

Он был расчетливо, умело —
Натренированный садист.
Как это худенькое тело
Еще не покидала жизнь?

Боялась девушка сначала:
Боялась струсить...
Но теперь
Ей, партизанке,
Ясно стало,
Что человек
Сильней, чем зверь.

О сила грозная
Презренья!
О этот дерзкий смех —
Не плач!..
И, растерявшись
На мгновенье,
К дверям
Попятился палач...

ЭТО ИМЯ...

Только вдумайся,
Вслушайся
В имя — «Россия»!
В нем и росы,
И синь,
И сиянье,
И сила...
Я бы только одно
У судьбы попросила —
Чтобы снова враги
Не пошли на Россию...
Знаю — все переможешь,
Знаю — все пересилишь.
Но за что тебе
Столько страданий,
Россия?..

СВЕРСТНИКУ

Мы так не похожи
С тобою —
Мы выбрали
Разный удел:
Во время Великого боя
В тылу
Ты остаться сумел.

Нет, этим я
Не попрекаю:
Все было законно —
Броня...
Но только дорога такая,
Признаться,
Пугала меня,

Да, ставлю всего я превыше
Солдатскую долю свою.
Горда, что отчизне —
Ты слышишь? —
Долг выплачен кровью,
В бою...

Мы так не похожи
С тобою —
Мы выбрали
Разный удел:
Считаю поэзию
Боем,
Себя ты, любимого, пел.

Вот этим
Тебя попрекаю:
У нас не бывает
«Брони».
Судьба у поэта такая —
Быть воином
В мирные дни.

И так ли спокойны
Рассветы,
И так ли закаты
Тихи,
Что вдруг забывают
Поэты,
Какое оружие —
Стихи?..

Есть круги рая,
А не только ада.
И я сквозь них,
Счастливая, прошла.
Чего ж мне надо,
Да, чего ж мне надо?
Ни на кого
Держать не стану зла.
За все, что было,
Говорю — «спасибо»!
Всему, что будет,
Говрю — «держись»!

Престолы счастья
И страданий дыбы
Две стороны
Одной медали —
«Жизнь».

Рано влюбилась —
Семнадцати нет,
Поздно влюбилась —
Ах, в этом ли дело?
Только ударил бы
Яростный свет,
Только бы сердце
Не тлело.

Рано влюбилась —
Еще подрастет,
Поздно влюбилась —
Осудим ли строго?
Страшен в любви
Только трезвый расчет,
Все остальное —
«От бога».

Таков наш век.
 А что тому причиной,
 Я объяснить научно
 Не берусь —
 Да, женщина
 Привыкла быть...
 Мужчиной:
 Давно любой
 Тащить привыкла груз.
 В прямом
 И в переносном
 Смысле слова —
 Груз неподъемных
 Сумок продуктовых,
 Ответственность по службе,
 Груз забот,
 Груз пьяницы,
 Когда домой ведет
 Она
 Не вяжущего лыка мужа...
 (Как сердце ей тогда
 Сжимает стужа!)

Неистоцимо
 Женское терпенье,
 Неутомима
 Женская рука.
 Но все острее
 Женское презренье
 К смешной пародии
 На мужика...

Он любит тебя
И поныне —
Напрасно
Печалишься ты.
Но трудно
Остаться «богиней»
С половником,
Возле плиты.

Другое конечно же дело,
Когда
Сквозь сияющий зал
Ты в радостном вальсе
Летела —
Воздушная, как стрекоза.

А нынче —
Работа, забота,
С пеленками
Маешься ты.
И в бисере
Мелкого пота
«Вальсируешь»
Возле плиты...

«Богиня?» —
Оставьте!..

Но строго
Могу повторить я опять:
Не надо быть,
Право же, богом,
Чтоб женскую долю
Понять!

Когда умирает любовь,
Врачи не толпятся в палате.
Давно понимает любой —
Насильно не бросишь
В объятия...

Насильно сердца не зажжешь...
Ни в чем никого не вините.
Здесь каждое слово —
Как нож,
Что рубит меж душами нити.

Здесь каждая ссора —
Как бой,
Здесь все перемирья
Мгновенны...
Когда умирает любовь,
Еще холодней
Во Вселенной...

РАЗРЫВ

Забуду ли ваши
Застывшие лица,
Зубуду ль глаза —
Не глаза, а бойницы?..
Но вы же друг друга
Любили, бесспорно!
А ветер ласкается,
Солнышко светит...
И как проросли, —
Кто за это ответит —
Раздора колючие зерна?..

Кто смыл с ваших лиц
Обаянье улыбки?
И кто погасил
Ваших взглядов мерцанье?..
Никто не виновен:
За ваши ошибки
Ответите сами,
Своими сердцами...

Как жизнь
Нас швыряет,
Как ранит и бьет —
«На прочность» людей
Проверяет развод.
В тяжелые эти,
В ненастные дни —
В безжалостном свете
Всех взглядов они.
Кто голову прячет,
Кто прямо несет...

Дай бог вам удачи,
Минуй вас развод!
Дай бог вам быть рядом!
Но если.. Увы...
Не надо, не надо
Терять головы.
Уход — не измена,
Измена — обман.
Пусть схлынет
Как пена,
Уйдет
Как туман
Все темное, злое,
Что гордость вам жжет.

Вокруг аналоя
Лишь чувство ведет...

Два человека разные
В тебе
Живут,
Один другому не сродни.
Всю жизнь в борьбе,
Мучительной борьбе
Проводят — горемычные — они.

И первый человек
В окопах стыл,
Водил не раз
Свой батальон на смерть.
Второй
Перед начальником простым
Уже не хочет
И не может «сметь»...

Как сильно
Первый человек любил
В огне,
 в бою,
 у смерти на краю...
С «престижной» дочкой,
С тою, кто не мил,
Соединил второй
Судьбу свою...

А спринтер Время
Ускоряет бег,

И финиш твой
Уже не за горой...
Два человека разные
В тебе —
Несчастливы
И первый
И второй.

И предал он
Любовь свою,
Не понимая
В этот миг,
Что так вот
Предают в бою,
Услышав раненого крик...

Конечно,
Он хотел помочь,
Но грозен
Минометный шквал.
Ужом в спасительную ночь
Он уползал,
Он уползал...

Так предал он
Любовь свою —
Себя он предал
В том бою...

СТАРАЯ ДАЧА

Я и смеюсь и плачу,
Дальше как жить,
Не знаю —
Милая старая дача,
Бедная и родная.

В окна
Стучались ветки,
Пахло малиной сладко.
Грубые табуретки,
Хроменький столик шаткий.

Только, наверно,
Было
В скромности этой
Что-то —
С непостижимой силой
Спорилась здесь работа.

Нынче наш сад разрежен,
Жирно блестят паркеты.
Где вдохновенье,
Где же,
Старая дача,
Где ты?

Предзакатный лесок
Был туманом окутан.
Этот белый туман
Обернулся бедой —
Вместо глади пруда,
Прямо в лужу мазута
Приземлился с размаху
Журавль молодой.

Долго бился и понял —
Спасенья не будет.
Что ж, себя самого,
Несмышлениш, вини..
Но на помощь спешили
Хорошие люди:
И спасли и отмыли
Беднягу они.

Так лети, журавленок!
И больше не путай
(От такой не спасают
Два раза беды)
Ты зловещую
Липкую лужу мазута
С добротой пруда,
С чистой гладью воды.

ЛЕСНОЙ ГОСТЬ

Может быть, он пытался
Спасти от беды
И спешил к нам
За помощью, люди? —
Возле дома
Лосиные вижу следы —
Эту снежную запись о чуде.

Он в поселок
Из темного леса пришел,
Прыгнул к дому,
Забор не затронув, —
Он, звериного царства
Высокий посол
С тяжелой
Ветвистой короной.

Я спала.
Я не знала,
Что надо помочь.
Он кружил и кружил
Возле дома,
А потом снова канул
В морозную ночь —
Январем заколдованный омут...

МОНОЛОГ ЛИСЫ

Бесил крестьянина прищур
Моих раскосых глаз —
Поскольку люди любят кур,
Они не любят нас.

Но вегетарианкой стать,
Ей-богу, не могу...
Гром грянул из ружья, и мать
Забилась на снегу...

Я помню в горле страха ком,
Овчарку за спиной.
А я была худым щенком,
А я была одной.

От верной смерти убежать
Мне чудом удалось.
Меня спасла глухая падь,
Отвлек овчарку лось.

С тех пор живу я на войне,
И человек — мой враг.
С тех пор я знаю — крышка мне,
Лишь сделай ложный шаг.

Свинец, ловушки, хитрый яд,
Лай псов, кошмар костра...
Меня же люди и корят:
Мол, чересчур хитра...

И щелкнул пастью злой капкан,
Земли качнулась твердь...
Да, я сваляла дурака,
Осталось — умереть.

Застыл в глазах соленый лед,
Ощерясь, жду врага.
Меня он палкою прибьет —
Ведь шкурка дорога...

Ох, если б перегрызть металл,
Что лапу мне сковал!

От скрежета метнулась рысь...
Но только толку — чуть...
Нет, лапу надо перегрызть,
На трех, но улизнуть.

Пускай невыносима боль,
Пускай краснеет снег —
Кто выиграл неравный бой
С тобою, Человек?..

Облака сегодня недвижимы,
Белое безмолвие кругом.
Медленно планируют снежинки —
Каждая на свой «аэродром».

А бинты снегов
Врачуют душу,
Тишина в объятия берет...
Вдруг — шаги!
Остановись, послушай:
То спешит навстречу
Новый год.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Выйдем вместе на улицу,
Милый,
И разыщем на небе звезду —
Ту, что счастье бы
Нам сохранила
В этом Новом,
Тревожном году.

Отрешенно,
Таинственно,
Снежно...
Полушубок накинув, стою.
И люблю я
Особенно нежно
Этой ночью
Планету свою.

Белый зайчонок
На белом снегу —
Белая сказка
На каждом шагу.
Лес подмосковный
Во время пурги
Не отличишь
От сибирской тайги.

Вспомни меня,
Одолжение сделай,
Юной,
Отчаянной
И неумелой —
Как я рванулась
На лыжах вперед,
Так до сих пор
Продолжаю полет.

Спуски, подъемы,
Паденья, трамплины,
Ветер в лицо
И соперников спины.
Кто-то поет,
Кто-то дразнит:
— Держись!
Мчимся дорогой
По имени Жизнь.

МОРОЗ

Обещают синоптики
Двадцать,
Обещают мне старость
Года.
Только я не умела
Сдаваться —
Не сумею уже
Никогда.

Не подводят
Пока еще ноги,
На лыжне
Молодых обгоню.
Я встречаю мороз
Без тревоги,
Потому что привыкла
К огню.

НО СЕРДЦЕ
ЗАБЫТЬ
НЕ СУМЕЛО...

1942 - 1982

Трубы.
Пепел еще горячий.
Как изранена Беларусь...
Милый,
Что ж ты глаза не прячешь? —
С ними встретиться
Я боюсь.

Спрячь глаза.
А я сердце спрячу.
И про нежность свою
Забудь...
Трубы.
Пепел еще горячий.
По горячему пеплу путь.

1943

ЗИНКА

*Памяти однополчанки —
Героя Советского Союза
Зины Самсоновой*

I

Мы легли у разбитой ели,
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей гнилой земле.

— Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она — не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет!

У тебя есть друзья, любимый,
У меня — лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...
Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она — не в счет.

Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг — неожиданный приказ:
«Вперед!»

Снова рядом в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

II

С каждым днем становилось горше
Шли без митингов и знамен.
В окруженье попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.

Зинка нас повела в атаку
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы,
Мы хотели со славой жить.
...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав.
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

III

Знаешь, Зинка, я — против грусти,
Но сегодня она — не в счет.
Где-то, в яблочном захолустье,
Мама, мамка твоя живет.

У меня есть друзья, любимый.
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом стоит весна.

И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
...Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала.

1944

Я — горожанка.
Я росла, не зная,
Как тонет в реках
Медленный закат.
Росистой ночью,
Свежей ночью мая
Не выбегала я
В цветущий сад.

Я не бродила
По туристским тропам
Над морем,
В ослепительном краю:
В семнадцать лет,
Кочуя по окопам,
Я увидала
Родину свою.

1945

Не знаю,
Где я нежности училась,—
Об этом
Не спрашивай меня.
Растут в степи
Солдатские могилы,
Идет в шинели
Молодость моя.

В моих зрачках —
Обугленные трубы.
Пожары полыхают
На Руси...
И снова
Нецелованные губы
Израненный парнишка
Закусил...

Нет! Мы с тобой
Узнали не по сводкам
Большого отступления
Страду...
Опять в огонь
Рванулись самоходки,
Я на броню
Вскочила на ходу.

А вечером,
Над братской могилой
С опущенной
Стояла головой...

Не знаю,
Где я нежности училась —
Быть может,
На дороге фронтовой...

1946

Худенькой нескладной недотрогой
Я пришла в окопные края.
И была застенчивой и строгой
Полковая молодость моя.

На дорогах родины осенней
Нас с тобой связали навсегда
Судорожные петли окружений,
Отданные с кровью города.

Если ж я солгу тебе по-женски,
Грубо и беспомощно солгу,
Лишь напомни зарево Смоленска,
Лишь напомни ночи на снегу.

1947

Возвратившись с фронта
В сорок пятом,
Я стеснялась
Стоптаных сапог
И своей шинели перемятой,
Пропыленной пылью
Всех дорог.

Мне теперь
Уже и непонятно,
Почему так мучили меня
На руках
Пороховые пятна
Да следы железа и огня...

1948

Дочка, знаешь ли ты,
Как мы строили доты?
Это было в начале войны,
Давно.
Самый лучший и строгий комсорг —
Работа
Нас спаяла в одно.

Мы валились с ног,
Но, шатаясь, вставали —
Ничего, что в огне голова...
Впереди фронтовые
Дымились дали,
За плечами была Москва.

Только молодость
Не испугаешь бомбежкой!
И, бывало, в часы,
Когда небо горит,
Мы, забыв про усталость,
С охрипшей гармошкой
Распевали до самой зари.

Эти ночи без сна,
Эти дни трудовые,
Эту дружбу
Забыть нельзя!
...Смотрит дочка,
Расширив глаза живые,
И завидует вам, друзья,

Вам, простые ребята
Из комсомола,
Молодежь фронтовой Москвы.
Пусть растет моя дочка
Такой же веселой
И такой же бесстрашной,
Как вы!

А придется —
Сама на нее надену
Гимнастерку,
И в правом святом бою
Повторит медсестра —
Комсомолка Лена —
Фронтовую юность мою.

1949

Скажи мне, детство,
Разве не вчера
Гуляла я
В пальтишке до колена?
А нынче дети
Нашего двора
Меня зовут с почтеньем
«Мама Лены».

И я иду,
Храня серьезный вид,
С внушительною папкою
Под мышкой,
А детство рядом
Быстро семенит,
Похрустывая
Крепкой кочерыжкой.

1950

Рысью марш! —
Рванулись с места кони.
Вот летит карьером
Наш отряд.
— Ну, а все же
Юность не догонишь! —
Звонко мне
Подковы говорят.

Всех обходит
Школьница-девчонка,
Ветер треплет
Огненную прядь.
Мне подковы
Повторяют звонко:
— Все напрасно,
Юность не догнать!

Не догнать!
В седло врастаю крепче,
Хлыст и шпоры —
Мокрому коню.
И кричу в степной
Бескрайний вечер:
— Догоню!
Ей-богу, догоню!

1951

ДВА ВЕЧЕРА

Мы стояли у Москвы-реки,
Ветер шелком платья шелестел.
Почему-то вдруг из-под руки
На меня ты странно посмотрел —
Так порою на чужих глядят.
Посмотрел и — улыбнулся мне:
— Ну, какой же из тебя солдат?
Как была ты, право, на войне?
Неужель спала ты на снегу,
Автомат пристроив в головах?
Я тебя представить не могу
В стоптанных солдатских сапогах!

...Я же вечер вспомнила другой.
Минометы били, падал снег.
И сказал мне тихо дорогой,
На тебя похожий человек:
— Вот лежим и мерзнем на снегу,
Будто и не жили в городах...
Я тебя представить не могу
В туфлях на высоких каблуках...

1952

Я, признаться, сберечь
Не сумела шинели —
На пальто перешили
Служивую мне:
Было трудное время.
К тому же хотели
Мы скорее забыть
О войне...

Я пальто из шинели
Давно износила,
Подарила я дочке
С пилотки звезду.
Но коль сердце мое
Тебе нужно, Россия,
Ты возьми его, как
В сорок первом году!

1953

И снова —
Лишь стоит
Закреть мне глаза,
Как вижу тебя затемненной —
Москва в сорок первом,
Тревожный вокзал
И воинские эшелоны.

И, может быть,
Если вот так постоять —
С зажмуренными глазами, —
Солдатская юность
Вернется опять,
Поскрипывая сапогами...

1954

МОЛОДОСТЬ

Мне казалось,
Что тридцать лет —
Это глаз потускневший свет,
Это стайки морщин у рта,
Это молодость прожита...

Не захочется, мол, тогда
Видеть новые города:
Собираться да брать билет —
Это просто
Лишь в двадцать лет.

Разонравится в тридцать мне
На упрямом скакать коне,
Упиваясь ветрами власть —
Эдак можно ведь
И упасть!

Тридцать —
Это когда не жди
На свиданье меня
В дожди...

До чего ж я была смешной!
Тридцать минуло мне весной
Так же радостно
Нынче мне
Кочевать по родной стране.

Так же скорость
Меня зовет —
О, степных скакунов полет!
Так же щеки мои горят,
Если их обожжет
Твой взгляд...

1955

Ах детство!
 Мне, как водится,
 Хотелось
 Во всем
 С мальчишками
 Быть наравне.
 Но папа с мамой
 Не ценили смелость:
 «Ведь ты же девочка!» —
 Твердили мне.
 «Сломаешь голову,
 На крыше сидя.
 Бери вязанье
 Да садись за стол».
 И я слезала с крыши,
 Ненавидя
 Свой женский, «слабый»,
 Свой «прекрасный» пол.

Ах детство!
 Попадало нам с тобою —
 Упреки матери,
 Молчание отца...
 Но опалил нам лица
 Ветер боя,
 Нам ветер фронта
 Опалил сердца.

«Ведь ты же девочка», —
 Твердили дома,

Когда сказала я
В лихом году,
Что, отвечая
На призыв райкома,
На фронт солдатом
Рядовым иду.

С семьей меня
Отчизна рассудила —
Скажи мне, память,
Разве не вчера
Я в дымный край
Окопов уходила
С мальчишками
Из нашего двора?

В то горькое,
В то памятное лето
Никто про слабость
Не твердил мою...
Спасибо, Родина,
За счастье это —
Быть равной
Сыновьям твоим
В бою!

1956

Я не привыкла,
Чтоб меня жалели,
Я тем гордилась,
Что среди огня
Мужчины
В окровавленных шинелях
На помощь звали
Девушку, меня.

Но в этот вечер —
Мирный, зимний, белый —
Припоминать былое
Не хочу.
И женщиной —
Растерянной, несмелой —
Я припадаю
К твоему плечу...

1957

В каком-нибудь
Неведомом году
Случится это чудо
Непреренно:
На Землю нашу,
Милую Звезду,
Слетятся гости
Изо всей Вселенной.

Сплошным кольцом
Землян окружены,
Пройдут они
По улицам столицы.
Покажутся праправнукам
Странны
Одежды их
И неземные лица.

На марсианку
С кожей голубой
Потомок мой
Не сможет наглядеться.
Его земная
Грешная любовь
Заставит вспыхнуть
Голубое сердце.

Его земная
Грешная любовь
И марсианки
Сердце голубое —

Как трудно будет
Людям двух миров!
Любимый мой,
Почти как нам с тобою

1958

ТЫ — РЯДОМ

Ты — рядом,
И все прекрасно:
И дождь,
И холодный ветер
Спасибо тебе,
Мой ясный,
За то,
Что ты есть на свете.

Спасибо
За эти губы,
Спасибо
За руки эти.
Спасибо тебе,
Мой любимый,
За то,
Что ты есть на свете.

Ты — рядом,
А ведь могли бы
Друг друга
Совсем не встретить...
Единственный мой,
Спасибо
За то,
Что ты есть на свете!

1959

КТО ГОВОРИТ, ЧТО УМЕР ДОН-КИХОТ?

Памяти Алексея Каплера

Кто говорит,
Что умер Дон-Кихот?
Вы этому, пожалуйста,
Не верьте.
Он не подвластен
Времени и смерти,
Он в новый
Собирается поход.
Пусть жизнь его
Невзгодами полна —
Он носит раны,
Словно ордена!

А ветряные мельницы
Скрипят.
У Санчо Пансы
Безразличный взгляд —
Ему-то совершенно
Не с руки
Большие, как медали,
Синяки...
И знает он,
Что испокон веков
На благородстве
Ловят чудаков.
Что прежде,
Чем кого-нибудь спасешь,
Разбойничий получишь
В спину нож...

К тому ж спокойней дома,
Чем в седле.

Но рыцари
Остались на земле!
Кто говорит,
Что умер Дон-Кихот?
Он в новый
Собирается поход!

1960

ДЕВЧОНКА ЧТО НАДО!

По улице Горького —
Что за походка! —
Красотка плывет,
Как под парусом лодка!
Прическа — что надо!
И свитер — что надо!
С моднейшим оттенком
Губная помада!

Идет не стилижка —
Девчонка с завода,
Девчонка рожденья
Военного года.
Со смены идет
(Не судите по виду),—
Подружку ханжам
Не дадим мы в обиду!

Пусть любит
С «крамольным» оттенком помаду,
Пусть стрижка — что надо,
И свитер — что надо,
Пусть туфли — на «шпильках»,
Пусть сумка — «модерн»,
Пусть юбка едва
Достигает колен! —
Ну, что здесь плохого?
В цеху на заводе
Станки перед нею
На цыпочках ходят!

По улице Горького —
Что за походка! —
Красотка плывет,
Как под парусом лодка!
А в сумке модерной
Впритирку лежат
Конспекты, Есенин,
Рабочий халат.

А дома — братишка:
Смешной оголец,
Ротастый галчонок,
Крикливый птенец.
Мать... в траурной рамке
Глядит со стены,
Отец проживает
У новой жены.
Любимый? —
Любимого нету пока...
Болит обожженная в цехе рука.
Устала? Крепись,
Не показывай виду,
Тебя никому
Не дадим мы в обиду!

По улице Горького —
Что за походка! —
Девчонка плывет,
Как под парусом лодка!
Девчонка рожденья
Военного года,
Рабочая косточка,
Дочка завода.
Прическа — что надо!
И свитер — что надо!

С «крамольным» оттенком
Губная помада!

Со смены идет
(Не судите по виду), —
Ее никому
Не дадим мы в обиду!

Мы сами пижонками
Слыли когда-то,
А время пришло —
Уходили в солдаты!

1961

ТЕТЯ ЛУША

Она сидит перед домом
Величественно, как Будда.
Ощупывает прохожих
Цепкий, колючий взгляд.
И каждый под этим взглядом
Ежится так, как будто
В чем-то плохом замешан,
Чем-нибудь виноват.

Ей до всего есть дело:
«Ишь, юбку торчком надела!
А хахаль напялил «дудочки»
Совесьть-то потерял!
А энта, что губки бантиком,
Путается с женатиком!
А энта!..»
Лифтерша наша
Судит, как трибунал.

А дом наш стоит в районе,
Который в деревьях тонет,
В совсем молодом районе,
Где солнце, где воздух чист.
Дают мне совет старухи:
«Не делай слона из мухи,
Подумаешь, тетя Луша!
Лифтерша ведь — не министр!»

Сгущаются луга запахи
В июле на Юго-Западе.

Такое раздолье пчелам
У нас во дворе веселом.
В зеленом моем районе
Шумит сенокос в июле...
Торжественно, как на троне,
Мещанство сидит на стуле.

А мне говорят:
«Послушай,
Война проверяла души,
В войну наша тетя Луша
Не баба была — герой!
По крыше походкой валкой
Гонялась за зажигалкой,
В обнимку с противоголом
Дремала ночной порой».

За это ей честь и слава!
Но мы не давали права
Заслуженной тете Луше
Лезть в души, плевать нам
В души!

Тревога!
У нас в районе
Мещанство сидит на троне,
Сидит перед новым домом,
Не где-нибудь —
На виду.
И людям воротит души,
Людей отвращенье душит.
«Спасибочки, тетя Луша,
Я лучше пешком пойду!»

«БРОШЕННОЙ»

Брошена! Придуманное слово
Анна Ахматова

Жизнь бывает жестока,
Как любая война:
Стала ты одинока —
Ни вдова, ни жена.
Это горько, я знаю,
Сразу пусто вокруг.
Это страшно, родная —
Небо рушится вдруг.
Все черно, все угрюмо.
Но реви не реви,
Что тут можно придумать,
Если нету любви?
Может, стать на колени?
Обварить кипятком?
Настрочить заявленье
В профсоюз и партком?
Ну, допустим, допустим,
Что ему пригрозят
И, напуганный, пусть он
Возвратится назад.
Жалкий, встанет у двери,
Оглядится с тоской,
Обоймет, лицемеря —
Для чего он такой:
Полумуж, полупленник,
Тут реви не реви...
Нет грустней преступленья,
Чем любовь без любви!

1963

САПОЖКИ

Сколько шику
В нарядных ножках —
И описывать
Не берусь!
Щеголяет Париж
В сапожках,
Именуемых
«А-ля рюс».

Попадаются
С острым носом,
Есть с квадратным —
На всякий вкус.
Но, признаться,
Смотрю я косо
На сапожки,
Что «а-ля рюс».

Я смотрю
И грущу немножко
И, быть может,
Чуть-чуть сержусь:
Вижу я сапоги —
Не сапожки,
Просто русские,
А не «рюс».

Те кирзовые,
Трехпудовые,
Слышу грубых подметок
Стук,

Вижу блики пожаров
Багровые
Я в глазах
Фронтowych подруг.

Словно поступь
Моей России,
Были девочек тех шаги.
Не для шика
Тогда носили
Наши женщины сапоги!

Пусть блистают
Сапожки узкие,
Я о моде
Судить не берусь.
Но сравню ли я с ними
Русские —
Просто русские,
А не «рюс»?

1964

ПАМЯТИ
ВЕРОНИКИ ТУШНОВОЙ

Прозрачных пальцев
Нервное сплетенье,
Крутой излом бровей,
Усталость век.
И голос — тихий,
Как сердцебиенье, —
Такой ты мне
Запомнилась навек.

Была красивой —
Не была счастливой,
Бесстрашная —
Застенчивой была...
Политехнический.
Оваций взрывы.
Студенчества
Растрепанные гривы,
Поэты на эстраде,
У стола.

Ну, Вероника,
Сядь с ведущим рядом,
Не грех
Покрасоваться на виду!
Но ты с досадой морщишься:
«Не надо!
Я лучше рядом,
Во втором ряду».

Вот так всегда:
Ты не рвалась
Стать «первой»,

Дешевой славы
Не искала, нет,
Поскольку каждой жилкой,
Каждым нервом
Была ты
Божьей милостью поэт.

БЫЛА! Трагичней
Не придумать слова,
В нем безнадежность
И тоска слились.
Была. Сидела рядышком...
И снова
Я всматриваюсь
В темноту кулис.

Быть может, ты
Всего лишь запоздала
И вот сейчас
На цыпочках войдешь,
Чтоб, зашептавшись и привстав,
Из зала
Тебе заулыбалась
Молодежь...

С самой собой
Играть бесцельно в прятки,
С детсада я не верю
В чудеса:
Да, ты ушла.
Со смерти взятки гладки.
Звучат других поэтов голоса.
Иные голосистей.
Правда это.
Но только
Утверждаю я одно:

И самому горластому поэту
Твой голос
Заглушить не суждено.

Твой голос —
Тихий,
Как сердцебиенье.
В нем чувствуется
Школа поколенья,
Науку скромности
Прошедших на войне —
Тех, кто свою «карьеру»
Начинали
В сырой землянке —
Не в концертном зале,
И не в огне реклам —
В другом огне...

1965

Когда проходят
С песней батальоны,
Ревнивым взглядом
Провожая строй —
И я шагала так
Во время оно
Военной медицинской
Сестрой.

Эх юность, юность!
Сколько отмахала
Ты с санитарной сумкой
На боку!..
Ей-богу, повидала я
Не мало
Не на таком уж
Маленьком веку.

Но ничего прекрасней нет,
Поверьте
(А было всяко
В жизни у меня!),
Чем заслонить
Товарища от смерти
И вынести его
Из-под огня.

1966

Над ними ветра
И рыдают и пляшут,
Бормочут дожди
В темноте.
Спят наши любимые,
Воины наши,
А нас обнимают...
Не те.

Одни — помоложе,
Другие — постарше,
Вот только ровесников
Нет.
Спят наши ровесники,
Мальчики наши,
Им все по семнадцати лет...

1967

ФУТБОЛ

Раньше в матч
Я, признаться, бывало,
Выключала приемник,
Ворча:
«Жаль, что страсти
Такого накала
Разгорелись
Вокруг... мяча!»

Но, попав в Лужники
Случайно,
«Заболела» я
В тот же день,
С уваженьем
Постигнув тайну,
Украшающую людей.

В сердце взрослого человека
Скрыт ребячий
Волшебный мир.
А футбол —
Это детство века,
Это рыцарский
Наш турнир.

Здесь прекрасны
Законы чести,
Здесь красив
Благородный бой,
Каждый рад быть
В опасном месте,

Каждый жертвовать
Рад собой.

Здесь сопернику
Крепко руку
Побежденный
С улыбкой жмет.
В том товарищества наука
И достоинства
Высший взлет!

...Всплески флагов.
Свисток арбитра
И трибун
Штормовой прибор.
Это — лучшая
В мире битва
И гуманнейший
В мире бой.

О, как были бы мы
Спокойны,
Как прекрасна
Была бы жизнь,
Если б все
На планете войны
На футбольных полях
Велись!

1968

Не встречайтесь
С первою любовью,
Пусть она
Останется такой —
Острым счастьем,
Или острой болью,
Или песней,
Смолкшей за рекой.

Не тянитесь к прошлому,
Не стоит —
Все иным покажется сейчас...
Пусть хотя бы
Что-нибудь святое
Неизменным
Остается в нас.

1969

Есть праздники,
Что навсегда с тобой,—
Красивый человек,
Любимый город.
Иль где-нибудь на Севере —
Собор,
Иль, может, где-нибудь на юге —
Горы.

К ним прикипела
Намертво душа,
К ним рвешься
Из житейской суматохи.
И пусть дела мои
Сегодня плохи,
Жизнь все равно —
Я знаю — хороша!

Не говорите:
— Далеко до гор! —
Они со мною
На одной планете.
И где-то смотрит
В озеро собор,
И есть красивый человек
На свете.

Сознание этого
Острей, чем боль.
Спасибо праздникам,
Что навсегда с тобой!

1970

ДРУНЯ

«Друня» — уменьшительная форма от древнеславянского имени «Дружина»

Это было в Руси былинной,
В домотканый сермяжный век:
Новорожденного Дружиной
Светлоглазый отец нарек.
В этом имени — звон кольчуги,
В этом имени — храп коня,
В этом имени слышно:
— Други!
Я вас вынесу из огня!

Пахло сеном в ночах июня.
Уносила венки река.
И смешливо и нежно
«Друня»
Звали дѣвицы паренька.
Ликованье у перелаза,
Ликование соловья...
Светлорусы и светлоглазы
Были Друнины сыновья.

Пролетали, как миг, столетья,
Царства таяли, словно лед.
Звали девочку Друней дети —
Шел тогда сорок первый год.
В этом прозвище, данном в школе,
Вдруг воскресла святая Русь,
Посвист молодца в чистом поле,
Хмурь лесов, деревенок грусть.

В этом прозвище — звон кольчуги,
В этом прозвище — храп коня,
В этом прозвище слышно:
— Други!
Я вас вынесу из огня!

Пахло гарью в ночах июня,
Кровь и слезы несла река.
И смешливо и нежно «Друня»
Звали парни сестру полка.
Словно эхо далекой песни,
Как видения, или сны
В этом прозвище вновь воскресли
Вдруг предания старины.
В этом прозвище — звон кольчуги,
В этом прозвище — храп коня,
В этом прозвище слышно:
— Други!
Я вас вынесу из огня!

1972

БИНТЫ

Глаза бойца
Слезами налиты,
Лежит он,
Напружиненный и белый.
А я должна
Присохшие бинты
С него сорвать
Одним движеньем смелым.
Одним движеньем —
Так учили нас,
Одним движеньем —
Только в этом жалость...
Но, встретившись
Со взглядом страшных глаз,
Я на движенье это
Не решалась.
На бинт я щедро
Перекись лила,
Пытаясь отмочить его
Без боли.
А фельдшерица
Становилась зла
И повторяла:
«Горе мне с тобою!
Так с каждым церемониться —
Беда,
Да и ему
Лишь прибавляешь муки».
...Но раненые метили всегда
Попасть в мои
Медлительные руки.

Не надо рвать
Присохшие бинты,
Когда их можно снять
Почти без боли...
Я это поняла —
Поймешь и ты.

Как жалко,
Что науке доброты
Нельзя по книжкам научиться,
В школе!

1973

Могла ли я,
Простая санитарка,
Я, для которой
Бытом стала смерть,
Понять в бою,
Что никогда так ярко
Уже не будет
Жизнь моя гореть?

Могла ли знать
В бреду окопных буден,
Что с той поры,
Как отгремит война,
Я никогда уже
Не буду людям
Необходима так
И так нужна?..

1974

МОЙ КОМИССАР

Не в войну, не в бою,
Не в землянке санвзвода —
В наши мирные дни,
В наши мирные годы
Умирал комиссар...
Что я сделать могла?
То кричал он в бреду:
— Поднимайтесь, ребята!—
То, в сознание придя,
Бормотал виновато:
— Вот какие, сестренка, дела...

До сих пор он во мне
Еще видел сестренку —
Ту, что в первом бою
Схоронилась в воронку,
А потом стала «справным бойцом»,
Потому что всегда впереди,
Словно знамя,
Был седой человек
С молодыми глазами
И отмеченным шрамом лицом.

След гражданской войны —
Шрам от сабли над бровью...
Может быть, в сорок первом
В снегах Подмосковья
Снова видел он юность свою
В угловатой девчонке —
Ершистом подростке,
За которым тревожно,

Внимательно, жестко
Все следил краем глаза в бою.

...Не в эпохе,
Военным пожаром объятай,
Не от раны в бою —
От болезни проклятой
Умирал комиссар...
Что я сделать могла?
То кричал он, забывшись:
— За мною, ребята!—
То, в себя приходя,
Бормотал виновато:
— Вот какие, сестренка, дела...

Да, солдаты!
Нам, выпала трудная участь —
Провожать командиров,
Бессилием мучась:
Может, это больней, чем в бою?..
Если б родину вновь
Охватили пожары,
Попросила б направить меня
В комиссары,
Попросилась бы в юность свою!

1975

ПРОЩАНИЕ

Тихо плакали флейты,
Рыдали валторны,
Дирижеру, что Смертью зовется,
Покорны...
И хотелось вдове,
Чтоб они замолчали,—
Тот, кого провожали,
Не сдался б печали.
(Он войну начинал
В сорок первом,
Комбатом,
Он комдивом закончил ее
В сорок пятом.)
Он бы крикнул,
Коль мог:
— Выше голову, черти!
Музыканты, не надо
Подыгрывать смерти!
Для чего мне
Рапсодии мрачные ваши?
Вы играйте, солдаты,
Походные марши!

Тихо плакали флейты,
Рыдали валторны,
Подошла очень бледная
Женщина в черном.
Все дрожали, дрожали
Припухшие губы,
Все рыдали, рыдали
Военные трубы...

И вдова на нее
Долгим взглядом взглянула:
Да, конечно же,
Эти высокие скулы!
Ах комдив!
Как хранил он
Поблекшее фото
Тонкошейей девчонки,
Связистки из роты.
Освещал ее отблеск
Недавнего боя,
Или, может быть, свет,
Что зовется любовью.
Погасить этот свет
Не сумела усталость...
Фотография!—
Только она
И осталась:
Та, что дни отступленья
Делила с комбатом,
От комдива
В победном ушла сорок пятом.
Потому что сказало ей
Умное сердце —
Никуда он не сможет
От прошлого деться:
О жене затоскует,
О маленьком сыне...
С той поры не видала
Комдива доньне.
И встречала восходы,
Провожала закаты
Все одна да одна —
В том война виновата...
Долго снились комдиву
Припухшие губы,

Снилась шейка,
Натертая воротом грубым,
И улыбка,
И скулы высокие эти...
Ах комдив!
Нет без горечи
Счастья на свете...
А жена никогда
Ни о чем не спросила,
Потому что таилась
В ней умная сила,
Потому что была
Добротою богата,
Потому что во всем
Лишь война виновата.

Чутко замерли флейты,
Застыли валторны,
И молчали, потупясь,
Две женщины в черном...

1976

Только буки да грабы,
Только грабы да буки
Тянут к солнцу
Сплетенные намертво руки.
Черный лес,
Обжигающий холодом лес
Под шатром
Добела раскаленных небес.
Тишина.
Только ветра притушенный ропот.
Тишина.
Заросли партизанские тропы,
Заросли держидеревом и купиной.
Тишина.
Отчего же здесь веет войной?
Отчего эти старые грабы и буки
Заломили свои узловатые руки?
Отчего даже в светлый напев ручейка
Заронила гнетущую ноту тоска?..
А в глубоком ущелье,
У быстрой воды
Обелиск со звездой
Да землянок следы.
То с Великой войны
Запоздавшая весть —
Партизаны свой госпиталь
Прятали здесь.
Только буки да грабы,
Только грабы да буки,

Защищая, простерли
Над лагерем руки.
В черном море деревьев
Горя горького остров —
Косит раненых смерть,
Еле держатся сестры.
И губами распухшими,
Чуть шевеля,
Здесь тебя призывают,
Большая Земля...
Раз в ночи, когда месяц
Стоял в карауле,
То ли свистнула птица,
То ли чиркнула пуля.
И сейчас же,
Во все прокопченное горло,
Хрипло рявкнула пушка,
Вздвогнув, охнули горы.
И тогда,
Задыхаясь от радостных слез,
— Наши! — крикнул слепой,
Обгоревший матрос.
Но, узнав пулемета
Нерусского стук,
Вдруг рванулся к винтовке
Разведчик без рук,
Вдруг рванулась куда-то
Связистка без ног,
И заслон медсестер
Самым первым полег...
Только буки да грабы,
Только грабы да буки
Здесь согнулись в бессилии,
Ярости, муке.
Только плачут холодные
Капли дождя,

Только люди бледнеют,
Сюда забредя.
Черный лес,
Партизанский обугленный лес
Под сияющим куполом
Мирных небес...

1977

Я порою
Себя ощущаю связанной
Между теми, кто жив
И кто отнят войной.
И хотя пятилетки
Бегут, торопясь,
Все тесней эта связь,
Все прочней эта связь.

Я — связанная.
Пусть грохот сражения стих:
Донесеньем из боя
Остался мой стих —
Из котлов окружений,
Пропастей поражений
И с великих плацдармов
Победных сражений.

Я — связанная.
Бреду в партизанском лесу,
От живых
Донесенье погибшим несу:
«Нет, ничто не забыто,
Нет, никто не забыт,
Даже тот,
Кто в безвестной могиле лежит.

1978

ГОЛОС ИГОРЯ

Часть войска князя Игоря была конной — дружинники, а другая пешей — смерды, «черные люди»

«Как волков, обложили нас
Половцев рати.
Несть числа им,
Лишь кони
Дружину спасут.
Ну, а пешие смерды?..
Тяжело умирати,
Но неужто мы бросим,
Предадим черный люд?»
Голос Игоря ровен,
Нет в нем срыва и дрожи.
Молча спешились витязи —
Предавать им негоже.

Был в неравном бою
Схвачен раненый Игорь
И порубаны те,
Что уйти бы могли...
Но зато через ночь
Половецкого ига
Через бездны веков
Из нездешней дали
Долетел княжий глас:
«Нелегко умирати,
Только легче ли жить
Во предателях, братья?»

Как тоскуют в ночи поезда,
Пролетая угрюмый Сиваш!..
Я тебя никогда не предам,
Ты меня никогда не предашь.
Потому что сквозь жизнь пронесли
Кодекс Верности, Дружбы устав.

Как грустят о портах корабли,
Так тоскуют уста об устах.
В облаках, затерявшись из глаз,
Одинокий грустит самолет.

Знаю, жизнь нас обоих предаст —
Так простим же ее наперед!

1980

Бывают такие секунды,
Когда, как на фронте, в бою
Ты должен подняться,
Хоть трудно
Покинуть траншею свою.
Хотя отсидеться бы проще —
Никто ведь не гонит вперед...
Но гордость солдатская
Ропщет,
Но совесть
Мне жить не дает.
Но сердце
Забыть не сумело —
Бесчестие хуже,
Чем смерть.
На бруствер
За правое дело
И страшно
И сладко взлететь!
Отчаянно,
Бережно,
Чисто
Люблю я
Отчизну свою.
Считаю себя
Коммунистом,
Хоть в партии
Не состою.

1981

Вновь календарь
Эту радость принес:
Солнце — на лето,
Зима — на мороз.

Что мне мороз,
Если станет светлей
В храмах лесов,
В сонном царстве полей?

Если я слышу
Дыханье весны,
Если я вижу
Апрельские сны?

Только одно
Огорчает до слез:
Сердце — на лето,
Года — на мороз.

1982

СОДЕРЖАНИЕ

СКОЛЬКО СТОИТ СТРАДАНИЕ?

1983

«Играет весенний гром...»	5
«Я опять возвращаюсь...»	6
«Я — Таня...»	7
Из старой кинохроники	9
Бейрут, Бейрут!..	10
«Довелось же такому случиться...»	13
Сколько стоит страдание?	14
«Я про любовь...»	16
«Я люблю, Земля...»	18
«Лишь одно непонятно мне...»	19
«Как больно мне...»	20
В застенках Сальвадора	21
Это имя...	22
Сверстнику	23
«Есть круги рая...»	25
«Рано влюбилась...»	26
«Таков наш век...»	27
«Он любит тебя и поныне...»	28
«Когда умирает любовь...»	30
Разрыв	31
«Как жизнь нас швыряет...»	32
«Два человека разные в тебе живут...»	33
«И предал он...»	35
Старая дача	36
«Предзакатный лесок...»	37
Лесной гость	38
Монолог лисы	39
«Облака сегодня недвижимы...»	41
Новогодняя ночь	42

«Белый зайчонок...»	43
Мороз	44

НО СЕРДЦЕ ЗАБЫТЬ НЕ СУМЕЛО

1942 — 1982

«Я ушла из детства...»	47
«Трубы...»	48
Зинка	49
«Я — горожанка...»	52
«Не знаю...»	53
«Худенькой нескладной недотрогой...»	55
«Возвратившись с фронта...»	56
«Дочка, знаешь ли ты...»	57
«Скажи мне, детство...»	59
«Рысью марш!..»	60
Два вечера	61
«Я, признаться, сберечь...»	62
«И снова...»	63
Молодость	64
«Ах детство!..»	66
«Я не привыкла...»	68
«В каком-нибудь...»	69
Ты — рядом...	71
Кто говорит, что умер Дон-Кихот?	72
Девчонка, что надо!	74
Тетя Луша	77
«Брошенной»	79
Сапожки	80
Памяти Вероники Тушновой	82
«Когда проходят с песней батальоны...»	85
«Над ними ветра...»	86
Футбол	87
«Не встречайтесь...»	89
«Есть праздники...»	90
Друня	91
Бинты	93

«Могла ли я...»	95
Мой комиссар	96
Прощание	98
Черный лес	101
«Я порою себя ощущаю связной...» . . .	104
Голос Игоря	105
«Как тоскуют в ночи поезда...»	106
«Бывают такие секунды...»	107
Солнце — на лето	108

Юлия Владимировна Друнина

ЭТО ИМЯ...

Стихотворения

Редактор *Б. Романов*

Художник *В. Лукашов*

Художественный редактор *В. Покатов*

Технический редактор *Н. Децко*

Корректоры *Г. Голубкова, И. Рудакова*

ИБ № 3391. Сдано в набор 23.05.84. Подписано к печати 14.08.84. А06885. Формат 70×90/32. Гарнитура об. нов. Печать офсетная. Бумага офсет. № 1. Усл. печ. л. 4,10. Усл. кр.-отт. 8,35. Уч.-изд. л. 3,31. Тираж 50 000. Заказ 2000. Цена 40 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР. 123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Госкомиздат РСФСР

Полиграфическое производственное объединение «Офсет» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Волгоградского облисполкома. 400001, Волгоград, ул. КИМ, 6

40 к.

•Современник•